

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

1
2014

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2014

УДК 800
ISSN 1992-6375

1.2014

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М.А. Шолохова**

Издается с 2002 г.

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mgou.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

Редакционная коллегия

Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь*,
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgou.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Шарафутдинова К.Р.

- Портретная деталь в экспозиции романов
«Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Мадам Бовари» Г. Флобера:
рецептивно-нарратологические стратегии 5

ЛИНГВИСТИКА

Алпатов В.М.

- Падежное варьирование в японском языке 14

Борисова Л.В.

- Концепт «дерево» как лингвокультурный код 34

Коваль П.А.

- Плавающие кванторы и информационная структура
в татарском языке 46

Летучий А.Б.

- Синтаксические свойства сентенциальных актантов
при предикативах 62

Мороз Г.А.

- Структура составных числительных языков Кавказа
в типологической перспективе: сложение 85

Пименова Н.Б.

- Между местоименной клитикой и частицей:
утрата признаков согласования
показателем относительного подчинения
в древнесаксонском языке 101

Г.А. Мороз

Структура составных числительных языков Кавказа в типологической перспективе: сложение¹

Данная работа посвящена ареальному и типологическому исследованию систем числительных языков Кавказа. Работа основана на структурном анализе (а не на фонетическом или этимологическом сравнении) систем числительных языков трех автохтонных языковых семей Кавказа (абхазо-адыгской, нахско-дагестанской и картвельской), а также неавтохтонных языков данного ареала (азербайджанского, армянского, карачаево-балкарского, кумыкского, ногайского, осетинского, русского, талышского и татского). Особое внимание было уделено системам показателей сложения. В ходе ареального исследования было обнаружено 4 типа таких систем, а аналогичный анализ выборки языков мира показал 5 типов систем показателей сложения. Результатом исследования является два распределения разных типов систем показателей сложения и некоторое возможное объяснение разницы полученных распределений.

Ключевые слова: числительные, показатели сложения, картвельские языки, нахско-дагестанские языки, абхазо-адыгские языки.

Под составными (или сложными) числительными в грамматиках обычно понимаются числительные, состоящие из нескольких корней. Такие числительные часто содержат в себе морфемы, обозначающие результат какой-то операции над элементами числительного, например, числительное *сто пять* обозначает результат сложения значения корня *сто* со значением корня *пять*, а числительное *пятнадцать* обозначает результат сложения значения числительного *пять* со значением числительного *десять*. Данная статья посвящена сложению в составных числительных, операции, которая обязательно присутствует во всех достаточно развитых системах числительных. В разделе 1 перечисляются некоторые особенности составных числительных. В разделе 2 представлены результаты ареального исследования показателей сложения языков, используемых на Кавказе. В разделе 3 обсуждаются результаты типологического исследо-

¹ Работа написана при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований, гранты № А-23 и № А-46. Автор выражает глубокую признательность П.М. Аркадьеву, О.В. Беляеву, Ю.А. Ландеру и Ю.Б. Корякову за предоставленные материалы, а также Н.Р. Сумбатовой за помощь, замечания и критику. Никто из перечисленных не несет ответственности за возможные ошибки и неверные интерпретации.

вания показателей сложения в языках мира. В разделе 4 приведена классификация всех выведенных типов систем показателей сложения, а также показано, как соотносятся материалы кавказских языков с этой классификацией. В разделе 5 приведены некоторые теоретическое осмысление сложных числительных.

1. Введение

Отношения, возникающие между частями составных числительных, часто описывают как отношения синтаксические [14; 18; 21]. И действительно, во многих языках мира составные числительные характеризуются некоторым уникальным набором морфосинтаксических особенностей. Насколько известно, не было обнаружено языка, в котором бы числительные не составляли одной синтаксической группы:

- (1) **Именно сто ему принесли пять книг.* (А не двести).
- (2a) **Сколько ему принесли сто книг?*
- (2b) ... *Пятьдесят... сколько я говорил?* (из устного подкорпуса НКРЯ)
- (3b) – *Сто сколько ему принесли книг?*
*– *Шесть.* (Ожидаемое значение «сто шесть»)
- (3c) – *Сто сколько ему принесли книг?*
– *Сто шесть.*
- (4a) *У меня [красные [книжка и [новая майка]]]* (новая майка тоже красная).
- (4b) *У меня [[красная книжка] и майка]* (майка может не быть красной).
- (4c) **У меня есть [сто [стульев и [пять вилок]]]* (вилка не сто пять).

Редко встречаются языки с систематически¹ свободным порядком элементов группы числительного (одно исключение – язык ком (южные бантоидные, бенуэ-конголезские), в котором десятки и единицы могут стоять в разном порядке [24, с. 27–28]). В русском языке прилагательные допускают несколько порядков, а элементы числительного – лишь один:

- (5a) **Я прочитала шесть сто книг, а не семь.*
- (5b) *Я прочитала зеленую большую книгу, а не синюю.*
- (5c) *Я прочитала большую зеленую книгу, а не маленькую.*

Несмотря на все свои особенности, внутренняя структура составных числительных редко попадает в поле зрения теоретиков грамматики [12;

¹ Редкий пример свободного порядка в одном числительном [8, с. 134]: ЛАОССКИЙ (южнотайские, тай-кадайские)

(i) nùŋg1	lòj4	(ii) lòj4	nùŋg1	(iii) lòj4	qê1	(iv)* qê1	lòj4
1	100	100	1	100	1	1	100
‘100’		‘100’		‘101’		‘101’	

14; 16–18; 22; 27], поэтому сложные числительные обычно остаются где-то на периферии синтаксиса, морфологии и лексикона¹. Очень много сделано психолингвистических исследований числительных и счета [25]. В данной работе я постараюсь на примере составных количественных числительных языков Кавказа показать, что построенные по синтаксическим правилам числительные обычно застывают и ведут себя как единый морфологический (а иногда и фонетический) комплекс, не поддающийся изменению.

В работе я буду следовать введенной в работе Z. Salzman [23] традиции представлять структуру сложных числительных при помощи цифр и математических операций². Не вдаваясь в типологическое освещение различных типов операций, используемых для репрезентации отношений между частями сложных числительных, я остановлюсь на показателях сложения.

2. Ареальное исследование языков Кавказа

В ходе исследования были проанализированы материалы 59 автохтонных и неавтохтонных языков Кавказа. Материалом для работы послужили грамматики, очерки и словари конкретных языков, а также материалы полевых исследований, осуществлявшихся на Кавказе в последние годы, в том числе с участием автора.

Во-первых, все системы показателей сложения были охарактеризованы по количеству морфологических моделей со значением сложения и по тому, с какими числительными они используются.

1. Системы с одной моделью.

АХВАХСКИЙ (андийские, нахско-дагестанские)

по [2]

(6a) *ač'a-dabe* (6b) *ač'a-k'e-dabe*

10-CARD³

10-2-CARD

'10'

'12' (10+2)

¹ Стоит оговориться, что после работы S. Abney [6] в рамках генеративной лингвистики получила распространение схема именной группы, по которой в группу детерминатора (DP) входит группа числа (NumP или QP), а в группу числа уже входит именная группа (NP). Однако под «внутренней структурой» имеется в виду внутренняя структура NumP, если следовать генеративной терминологии.

² Важно отметить, что, во-первых, набор операций не ограничивается исключительно операциями арифметическими, и, во-вторых, на использование арифметических операций накладываются большие ограничения [10; 11].

³ Список сокращений: + – показатель сложения; × – показатель умножения; ABS – абсолютив; ADD – показатель аддитива; ADV – адвербиалис; CARD – показатель количественного числительного; CL – классный показатель; DIR – директив; DYN – динамичность; LNK – показатель, соединяющий количественные числительные с именами; ORD – показатель порядкового числительного; PL – мн. число; POSS – принадлежность; PR – посессор; PST – прошедшее время; RE – рефактив/реверсив; TEN – показатель десятков.

(6c) *bo-q'endo-k'e-dabe* (6d) *bešano-k'e-dabe*

4-20-2-CARD

100-2-CARD

'82' ($4 \times 20 + 2$)

'102' ($100 + 2$)

ГОДОБЕРИНСКИЙ (андийские, нахско-дагестанские)

по [3]

(7a) *hac'a-da*

(7b) *hac'a-li*

ce-b

10-CARD

10-+

1-CL

'10'

'12' ($10 + 2$)

(7c) *haq'u-c'ali-li* *ce-b*

(7d) *bešenu-li*

ce-b

7-TEN-+

1-CL

100-+

1-CL

'71' ($7 \times 10 + 1$)

'101' ($100 + 1$)

В эту группу попало 16 языков: азербайджанский, арчинский, ахвахский, будухский, гинухский, годоберинский, гунзибский, калмыцкий, карачаево-балкарский, крызский, кумыкский, нагайский, турецкий, туркменский, хваршинский и цезский.

2. Системы с двумя моделями.

Тип 2а. Выделенный показатель для второго десятка.

АДЫГЕЙСКИЙ (абхазо-адыгские)

полевые материалы

(8a) *pš'ə-k'wə-t'wə*

(8b) *t'we-čj'-jə-t'wə-re* *t'wə-re*

10- + -2

2-TEN-LNK-2-ADD

2-ADD

'12' ($10 + 2$)

'42' ($2 \times 10 \times 2 + 2$)

(8c) *še-re*

t'wə-re

100-ADD

2-ADD

'102' ($100 + 2$)

Аналогичным образом устроены большинство индоевропейских языков. В группу, использующую эту модель, попало 27 языков, используемых на Кавказе: абазинский, абхазский, аварский, агульский, адыгейский, андийский, армянский, бацбийский, бежтинский, греческий, ингушский, кабардинский, лазский, лакский, лезгинский, осетинский, русский, рутульский, сванский, табасаранский, татский, тиндинский, удинский, хиналугский, цезский, чамалинский и чеченский.

Тип 2b. Отдельный показатель для всех десятков/двадцаток.

ХАЙДАКСКИЙ (даргинские, нахско-дагестанские)

по [4]

(9a) *wec'-nu* *ca-ra*

(9b) *ka-nu* *ca-ra*

(9c) *darš-lum* *ca-ra*

10-+

1-ADD

20-+

1-ADD

100-+

1-ADD

'11' ($10 + 1$)

'21' ($20 + 1$)

'101' ($100 + 1$)

(9d) *azil-lum* *ca-ra*

'1000'-+

1-ADD

'1001' ($1000 + 1$)

В эту группу попало 10 даргинских языков: ицаринский, кункинский, мегебский, нижнемугебский, сурсебукский, тантынский, урахинский, хайдакский и хуцуцкий.

3. Системы с тремя моделями.

БАГВАЛИНСКИЙ (андийские, нахско-дагестанские)

по [1]

(10a) <i>inš:tu-ra</i>	(10b) <i>hac'a-ra</i>	(10c) <i>inš:t^w-ac'a</i>
5-CARD	10-CARD	5-TEN
'5'	'10'	'50' (5 × 10)
(10d) <i>hac'a-l</i>	<i>inš:tu-ra</i>	(10e) <i>inš:t^w-ac'</i> <i>inš:tu-ra</i>
10-+	5-CARD	5-TEN 5-CARD
'15' (10 + 5)		'55' (5 × 10 + 5)
(10f) <i>bešen-č'ek'ub</i>	<i>inš:tu-ra</i>	(10g) <i>ʔazar-č'ek'ub</i> <i>inš:tu-ra</i>
100-+	5-CARD	1000-+ 5-CARD
'105' (100 + 5)		'1005' (1000 + 5)

В эту группу попало 6 языков: багвалинский, ботлихский, грузинский, каратинский, татский и цахурский.

Отмечу выведенные корреляции типа и генетической принадлежности: все нахские и абхазо-адыгские языки относятся к типу 2а, все даргинские языки – к типу 2b, все алтайские – к типу 1. В остальном распределение генетически не предопределено: в андийской группе нахско-дагестанской семьи годоберинский и ахвахский относятся к типу 1, тиндинский и андийский – к типу 2а, а ботлихский и багвалинский – к 3; в цезской группе той же семьи гунзибский язык относится к типу 1, а бежтинский – к типу 2а; в картвелской семье сванский и лазский языки относятся к типу 2а, а грузинский – к типу 3.

Количественное соотношение разных типов систем сложения в языках Кавказа представлено в таблице 1.

В работе Т. Hanke [13, с. 95–110] приводится 4 возможных источника показателей сложения: координативы и комитативы, локативы, посесси-вы, «дополнительные» (в этот класс, видимо, попадают остальные случаи). Вслед за Т. Hanke я приведу перечень средств, которые, возможно, послужили источником показателя сложения. Показатели сочинения используются во всех абхазо-адыгских, картвельских, лезгинских (кроме удинского и арчинского) и цезских (кроме гунзибского) языках, в андийском языке используется комитатив. Также нам встретились разные варианты локативов: инэссив (в тиндинском, андийском и ботлихском), супераблатив (в лакском), суперэссив (в багвалинском), адэссив (в аварском и каратинском), аблатив (в тиндинском) и послелог со значением «за» (в осетинском). Системы с показателем сложения, происходящим из показателя посессивности, в кавказских языках обнаружено не было.

Помимо перечисленных Т. Ханке [13] средств, в языках Кавказа достаточно распространено простое соположение элементов числительного; соположение используется во всех тюркских, индоевропейских и нахских языках, а также в некоторых андийских (багвалинском, каратинском, ахвахском), лезгинских (табасаранском, лезгинском, удинском, цахурском, агульском), цезских (гунзибском, хваршинском, гинухском) языках, в хиналугском и в сванском языках. В багвалинском, тиндинском, арчинском, аварском и даргинском были обнаружены уникальные элементы сложения (т.е. морфемы, которые не соотносятся ни с какими другими морфемами в языке и используются только в числительных). Также были обнаружены более экзотические случаи: родительный падеж (в годоберинском и хиналугском), эргативный падеж (в чамалинском), дательный падеж (в осетинском), классный показатель (в чамалинском); использование глагольной формы, означающей «закончив» (в каратинском).

Таблица 1

**Количественное соотношение
разных типов систем сложения в языках Кавказа**

Тип сложения	1	2a	2b	3
Число языков Кавказа	16	27	10	6
	27%	46%	17%	10%

Важно отметить, что сейчас можно лишь констатировать совпадение показателей на некотором синхронном состоянии языка, такое совпадение совсем не обязательно свидетельствует о том, что один показатель произошел из другого или оба показателя произошли из какого-то третьего. Вероятно, многие случаи совпадения показателя сложения с приведенными выше показателями являются лишь случайным стечением обстоятельств. К сожалению, большинство языков Кавказа почти «не имеет истории», т.е. мы располагаем очень малым количеством источников по истории этих языков, так что вопрос о происхождении того или иного показателя становится проблемой сравнительно-исторической грамматики.

3. Типологическое исследование показателей сложения

Типологическое исследование сделано на материале 72 языков мира из 36 языковых семей (таблица 2). Мы попытались сделать типологическую выборку ареально и генеалогически сбалансированной, однако в ходе подготовки материалов возникли следующие сложности.

Таблица 2

Список языков типологической выборки

Число языковых семей	Языки		Число языков
Африка 4	гудэ (чадские)	2b	афразийские 5
	коптский (египетские)	1	
	сидамо (кушитские)	1	
	шеко (омотские)	1	
	эфиопский (семитские)	1	
	ком (южные)	2b	банту/ бантонидные 3
	лингала (зона С)	1	
	макондэ (Rufiji–Ruvuma)	1	
	квама (команские)	3b	нило- сахарские 3
	туркана (нилотские)	1	
	хумбури сенни (сонгайские)	1	нигер-конго (не банту) 6
	адамава фулани (атлантические)	1	
	волоф (атлантические)	2a	
	зиало (манде)	3	
	игбо (бенуэ-конго)	1	
	лоома (манде)	3	
	энгенни (бенуэ-конго)	1	
Евразия 10	адыгейский (адыгские)	2a	абхазо- адыгские
	корейский	1	алтайские 3
	кумыкский (тюркские)	1	
	нанайский (тунгусо-маньчжурские)	1	
	малаям	1	дравидийские 2
	тамилский	1	
	албанский	2a	индоевропейские 4
	валийский (кельтские)	2b	
	кати (дардские)	2a	
	румынский (романские)	3	
	грузинский	3	картвельские
	ахвахский (андийские)	1	нахско- дагестанские 3
	хуцуцкий (даргинские)	2b	
	ингушский (нахские)	2a	
	кетский (енесейские)	1	палеоазиатские 3
	северноюкагирский	1	
	чукотский (чукото-камчатские)	2a	
	гало (тани)	1	сино- тибетские 2
	камский тибетский (тибетские)	3	
	лаосский (южнотайские)	1	тай-кадайские 2
	тайский (южнотайские)	1	
Евразия 10	венгерский (финно-угорские)	1	уральские 3
	вепсский (финно-угорские)	2a	
	ненецкий (самодийские)	2a	

Окончание таблицы 2

Число языковых семей	Языки		Число языков
Океания 3	атаял (формозские)	1	австронезийские 6
	балантак (Celebic)	1	
	биак (южнохальмахерско-западноновогвинейские)	2b	
	малайский (западнозонские, малайско-чамские)	2a	
	минангкабау (западнозонские, малайско-чамские)	2a	
	тагальский (филиппинские)	2a	
	маилу (маилуанские)	2a	транс-новогвинейские 5
	абуи (алорские)	3	
	тобело (западнопапуасские, хальмахерские)	1	
	манамбу (сепикские, среднесепикские, нду)	3	
	скоу (скоу)	2a	
	сулка	1	
Северная Америка 9	туника	2a	—
	навахо	3	атабаскские
	квакиутль	3	вакашские
	чероки	2a	ирокезские
	крикский	2b	мускогские
	тлингитский	2a	на-дене
	лиллут (внутренне-салишские)	1	салишские
	шусвэп (внутренне-салишские)	1	2
Центральная Америка 6	мандан (центральные)	2a	сиуанские
	кичи (кичейские)	2a	майянские
	хакальтек	3	2
	мискито	2a	мисумальпские
	чималапский соке (сокейские)	2a	михе-сокские
	сапотек (сапотекские)	1	ото-мангские
	хуэхэутля тепеуа (тепеуаские)	1	тотонакские
	терибе	1	чибчанские
Южная Америка 4	аймарский	1	аймарские
	уальягский кечуа (кечуа I)	1	кечуанские
	кокамо (тупи)	1	тупи-гуарани
	мапудунгун	1	—

1. Хотя категорию числительного с некоторыми оговорками можно считать универсальной, далеко не во всех языках представлена достаточно развитая система числительных. Например, средствами систем числительных автохтонных языков Австралии редко можно выразить число больше '5':

ВАРРУНГУ (пама-ньонга)

по [26]

- (11a) *nyon.gol* (11b) *bolari* (11c) *gorrbara* (11d) *marrgabala*
 '1' '2' '3' 'много'

2. Числительные легко перенимаются из более престижного языка. Например, многие американские аборигены перешли на английские, испанские, португальские или французские числительные, а многие носители кавказских языков в повседневной речи используют русские числительные (иногда добавляя к ним морфологию числительных родного языка). В обычной речи чаще всего сохраняется лишь первый десяток или пятерка исковых числительных.

АДЫГЕЙСКИЙ (абхазо-адыгские)

полевые материалы

- (12a) *ja-dvadcatⁱ* *pⁱerv-ew* (**odⁱin-ew*) *qe-k^we-ʒə-k*
 3PL.PR+POSS-20 первый-ADV (*ОДИН-ADV) DIR-ИДТИ-RE-PTST
 'Пришел двадцать первым'

- (12b) *ja-bk^w-e-nere* *ja-ps^ʔ-e-nere* *klas-xe-r*
 3PL.PR+POSS-9-ORD 3PL.PR+POSS-10-ORD класс-PL-ABS
qə-ʂ^ʔ-je-wəxə.

DIR-LOC-3SG.A-DYN-закончить

'...она закончила девятый и десятый классы'

3. Из выборки были исключены языки, использующие счет по частям тела (body part counting) [10].

4. Не принимались в расчет модели, которые выбивались из системы числительных, как, например, русское *сопок* выбивается из системы *двадцать* и *тридцать* (сравните польские *dwadzieścia* '20', *trzydzieści* '30', *czterdzieści* '40', в которых использовано числительные со значением '2', '3' и '4' соответственно). При образовании числительных '12' и '15' в валлийском языке используется уникальный нулевой показатели сложения, который больше в системе числительных не присутствует [5, с. 29–30].

В ходе типологического исследования были обнаружены все типы, выделенные нами в разделе 2, особый интерес представляет соотношение, представленное в языке квама:

КВАМА (нило-сахарские, команские)

по [19, с. 22–23]

- (13a) *siyya* (13b) *kuba-siyya* (13c) *kuzat* *siyya*
 2 5-2 10 2
 '2' '7' (5+2) '12' (10+2)
 (13d) *yisa* *sene tə* *siyya* (13e) *ʂantama* *siyya*
 20 + 2 50 2
 '22' (20+2) '52' (50+2)

Z. Leyew [19] пишет, что числительные со значениями '6'–'9' являются композитами, т.е. обладают большей слитностью, чем слагаемые в

примерах 13с и 13е. Получается, что в этом типе (обозначим его 3b) очень необычная система показателей сложения:

6–9	11–19	21–29	31–...
тесное соположение	соположение	sene tə	соположение

Среди всех исследованных языков не было обнаружено языка, в котором бы какая-то модель образования составных числительных «вклинивалась» похожим образом. Здесь, видимо, по аналогии со спорадическими числительными (например, русское *сорок*), можно говорить о спорадической морфологической модели.

В ареальном исследовании почти не было выявлены корреляции типа системы сложения и генетической принадлежности к той или иной семье или ареалу, кроме того, что все южноамериканские языки, попавшие в выборку, относятся к первому типу. Из этого можно сделать вывод, что тип системы сложения – это параметр, который легче подвергается изменениям по сравнению с другими, более консервативными частями языка.

В таблице 3 показаны количественное соотношение разных типов систем сложения в языках мира.

Таблица 3

**Количественное соотношение
разных типов систем сложения в языках мира**

Тип сложения	1	2a	2b	3	3b
Число языков	36	20	6	11	1
	49%	27%	8%	15%	1%

4. Показатели сложения языков Кавказа в типологическом освещении

В свете приведенных данных становится видно, что, если не принимать в расчет язык кума и его уникальную систему, в кавказских языках представлен весь спектр разных типов показателей сложения (рис. 1). Основное отличие кавказского региона проявляется в нетипичных соотношениях. Так, языков с одним показателем среди кавказских языков почти треть, тогда как в типологическом исследовании к этому типу относится почти половина языков, попавших в выборку (таблица 4). Также почти половина языков на Кавказе имеет два показателя сложения, тогда как в типологической выборке число таких языков стремится к одной трети. Кроме того, почти в два раза различается соотношение языков с двумя показателями, где показатель, используемый во втором десятке, используется при образовании других числительных. Различие в соотношениях

систем, в которых используется три модели сложения, кажутся не столь значительными (рис. 1).

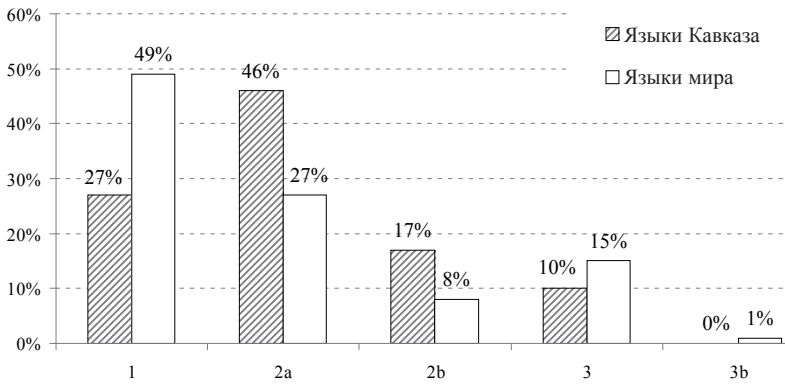

Рис. 1

В результате двух исследований можно сделать следующие выводы.

1. Типологическое исследование показало явную тенденцию систем числительных иметь как можно меньше показателей сложения:

1 (49%) > 2 (35%) > 3 (16%) (таблица 4).

2. Соотношение разных типов систем сложения в языках Кавказа показывает необычное распределение по сравнению с ожидаемым: систем с двумя показателями почти в два раза больше, чем ожидалось, а систем с одним показателем почти в два раза меньше по сравнению с ожидаемым (таблица 5).

Таблица 4

Число показателей	1	2	3
Количество языков типологической выборки	49%	35%	16%

Таблица 5

Число показателей	1	2	3
Количество языков Кавказа	27%	63%	10%

3. Типологическое исследование показало, что наиболее часто значение сложения достигается соположением элементов или при помощи показателя сочинения (соотношение по языкам мира примерно одинаковое). Также эти два явления могут сосуществовать в одной системе, например, в волоф (атлантические) в меньших слагаемых используется

соположение, а в больших – показатель сочинения, в грузинском наоборот – с десятками используется показатель сложения, а с большими базами – соположение.

4. И типологическое, и ареальное исследования показали, что наличие в языке той или иной системы показателей сложения слабо коррелирует с принадлежностью к той или иной генетической семье.

Важно также отметить, что показатели сложения, произошедшие из показателей сочинения, часто наследуют и место в группе, которое занимали сочинительные показатели или показатель. Так, например, как и при обычном сочинении, в адыгейских числительных показатель сложения появляется на каждом элементе числительного (см. примеры 8b–c), а в языке аймара показатель сложения локализуется на последнем члене:

АЙМАРА (аймарские, Южная Америка) [20, с. 9]

(14a) <i>kimsa</i>	(14b) <i>kimsa tunka</i>	(14c) <i>kimsa tunka kimsa-ni</i>
3	3 10	3 10 3-+
‘3’	‘30’	‘33’

5. Составные числительные: синтаксис или морфология?

В работах Т. Ионина, О. Матушанского [16; 17; 18] показано, что числительные – именные модификаторы, которые по очереди модифицируют именную группу:

(15) [*two* [*hundred* [*books*]]].

Составные числительные в этих работах предлагается анализировать как сочиненную группу (с нулевым сочинительным показателем), которая получилась одним из следующих способов:

(16a) [[*two* [*hundred* [*books*]]] (and) [*five* [*books*]]]

(16b) [[*two* [*hundred* [*books*]]] (and) [*five* [*books*]]] [*books*]

В работе E. Zweig [27] приводится ряд примеров, которые показывают, что «маленькие» числительные в некоторых языках относятся к другому морфосинтаксическому классу. Также важно отметить работу M. Donohue, где показано, что числительные в одних языках могут вести себя, как глаголы, в других – как имена и другие синтаксические категории [8]. Это же было показано на материале русского языка в статье G. Corbett [7]: русские числительные интерпретируются в работе как существительные и прилагательные. Т.к. некоторые числительные могут быть прилагательными или существительными, значит, некоторые из числительных имеют семантический тип прилагательного или существительного, что в свою очередь противоречит значению числительных, предложенному в работах Т. Ионина, О. Матушанского [16; 17; 18].

Анализ числительных в этих работах приводится исходя из идеи, что сложные числительные являются набором вложенных синтаксических групп, которые композиционально соединяются с группой, которую эти числительные квантифицируют [16; 17; 18]. Трудно себе представить, какие факты могли бы выступить аргументом за или против одной или другой интерпретации сложных числительных:

(17a) [[two [hundred]] [five [books]]] (по [18])

(17b) [[[two [hundred]] [five]] [books]]

(17c) [[two [hundred]] [and five [books]]] (по [18])

(17d) [[[two [hundred]] [and five]] [books]]

Приведем несколько аргументов против интерпретации Ionin T., Matushansky O. [16; 17; 18] примеров 16a–b.

1. Историческая связь показателей сложения с сочинением во многих случаях бесспорна, например, в случаях, когда в числительных используется живой показатель сочинения (как, например, в адыгейском, см. примеры 8b–c). Однако даже в этих случаях сочиняемые элементы числительного нельзя переставить местами (особенности языка ком я рассмотрю ниже). Нельзя в этих случаях сочинять числительное с нечислительным, т.к. без показателя сочинения они не воспринимаются как сочиненные:

(18a) *[красных^(u) сто] мячиков

(18b) ?[сто^(u) красных] мячиков

(18c) *[красных и сто] мячиков

(18d) *[сто и красных] мячиков

2. Аналогично нельзя использовать другие показатели сложения (например, локативные) в буквальном значении.

(19) *Положи пять-на-дцать, а потом на стол.

3. Из всех языков типологической выборки (таблица 2), в которых лишь один показатель сложения (т.е. 36 языков), в 47% языков в качестве показателя сложения используется соположение, а в 36% – показатель сочинения. Почему в 47% случаев начинает использоваться соположение, когда в языке уже есть готовый показатель сочинения? Почему в мире существуют системы с двумя и даже тремя показателями сложения, если достаточно одного? Почему существуют языки, в которых показатель сложения, произошедший из показателя сочинения, факультативен?

Если рассмотреть перечисленные доводы и проблемы, то возникает вопрос, действительно ли сложные числительные всегда представляют несколько синтаксических групп? Может быть, следует считать сложные числительные в некоторых языках синтаксическим островом или даже композитом? Приведу несколько аргументов в пользу такой трактовки:

1) порядок следования элементов числительного строго определен в каждом конкретном языке;

2) внутренняя структура числительных непроницаема для большинства синтаксических процессов;

3) одни и те же числительные нельзя получить разными способами, что можно бы было ожидать при синтаксическом подходе; поэтому нельзя сказать *сорок семнадцать* или *пятьдесят двадцать один* (подробнее об этом см. в работах J.R. Hurford [14; 15]).

4) в нашей типологической выборке почти половина языков использует соположение, что скорее характерно для композитов, а не синтаксических групп. Бывает, что одинаково маркируются разные отношения, например, не только сложение, но и мультипликация (например, в нанайском), что тоже скорее характерно для композитов.

Приведенные аргументы носят лишь предварительный характер и нуждаются в проверке на достаточно большой выборке языков. Возможно, не стоит считать, что составные числительные во всех языках мира являются композитами. Отмечу, что такой анализ не противоречит семантическому типу, выведенному в работах Т. Ионина, О. Матушанского [16; 17; 18]: в тех языках, где числительные не являются прилагательными или существительными, семантический тип числительного и значение числительного имеет вся группа числительного или числительный композит, а не каждый ее элемент, как предполагается в этих работах.

Если еще раз пересмотреть список морфем, из которых происходит показатель сложения, приведенный Т. Hanke [13, с. 95–110] и несколько расширенный на материале кавказских языков (см. раздел 2), становится ясно, что структура числительного часто строится при помощи синтаксических правил, а не при помощи обычных моделей образования композитов. Возможно, что в каких-то языках эти синтаксические связи лексикализировались в меньшей степени, чем в других, в связи с этим мы все же видим исключения, как в лаосском языке и языке ком. Композитная трактовка предполагает, что числительные застывают и подвергаются только фонетическим изменениям или выравниванию по другим формам. А если какой-то показатель, например, сочинения, изменяется в системе языка, то, если связи в числительных устроены синтаксически, показатель должен также поменяться и в числительных, которые его используют. Однако этот аспект нуждается в дополнительной проверке.

Теперь рассмотрим исключения. Лаосский пример (см. i–iv) показывает, что числительное ‘100’ (один сто) имеет свободный порядок членов и не имеет значение ‘101’, т.к. при образовании числительного *сто* исполь-

зуется нестандартный корень '1' (ср. русские *один* и *раз*). В языке ком в десятках представлена еще большая вариативность:

ком (южные бантоидные, бенуэ-конголезские) по [24, с. 27–28]

(20a) <i>tal</i>	(20b) <i>i.vim</i>	(20c) <i>njvàsì</i>	<i>tal</i> / <i>njvàsì</i>	<i>tal</i>	<i>i.vim</i>				
3	10	+	3	+	3 10				
'3'	'10'	'13' (+3)	'13' (+ 3 10)						
(20d) <i>mi.vim</i>	<i>in</i>	<i>bò</i>	<i>njvàsì</i>	<i>tal</i> / <i>njvàsì</i>	<i>tal</i>	<i>mi.vim</i>	<i>in</i>	<i>bò</i>	
10	×	2	+	3	+	3	10	×	2
'23' (10×2+3)						'23' (+3 10×2)			

Эту редчайшую вариативность можно объяснить лишь особенностями показателя *njvàsì*, который является множественным числом слова *njvà* 'объект'. Такую систему, видимо, следует отнести к недограмматикализовавшимся, а ее элементы, видимо, плохо было бы считать композитами.

7. Заключение

В данной статье изложены результаты ареального и типологического исследования составных числительных, которые позволили показать разнообразие систем сложения, а также сделать некоторые выводы об общей структуре числительных в языках мира. Было показано, что в кавказском регионе обнаруживаются все основные типы систем маркирования сложения, которые представлены в языках мира, показаны количественные особенности распределения разных типов систем маркирования сложения в сравнении с тем, что представлено в языках мира, а также продемонстрировано большое богатство возможных источников показателей сложения. Также в статье обсуждаются теоретические взгляды на структуру сложных числительных. Представлены аргументы в пользу того, что сложные числительные могут быть не только сложной синтаксической структурой, но и более лексикализованной единицей и даже композитом.

Библиографический список

1. Кибрик А.Е. Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словарь. М., 2001.
2. Магомедбекова З.М. Ахвахский язык. Грамматический анализ, тексты, словарь. Тбилиси, 1967.
3. Саидова П.А., Гудава Т.Е. Годоберинский язык (грамматический очерк, тексты, словарь). Махачкала, 1973.
4. Темирбулатова С.М., Мусаев М.-С. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала, 2004.
5. Халипов С.Г. Краткая грамматика валлийского языка. СПб., 1995.
6. Abney S. The English Noun Phrase in its Sentential Aspect: Doctoral dissertation, MIT. Cambridge, 1987.

7. Corbett G.G. Universals in the syntax of cardinal numerals // *Lingua*. 1978. № 46. P. 355–368.
8. Donohue M. Numerals and their Position in Universal Grammar // *Journal of Universal Language*. 2005. Vol. 6. P. 1–37.
9. Enfield N.J. A grammar of Lao. Mouton grammar library. Vol. 38. Berlin, NY, 2007.
10. Greenberg J.H. Generalizations about numeral systems // *Universals of Human Language* / J.H. Greenberg (ed.). Stanford, 1978. P. 249–297.
11. Gvozdanović J. Numeral Types and Changes Worldwide. Berlin, NY, 1999.
12. Hammarström H. Properties of Lower Numerals and their Explanation: A Reply to Paweł Rutkowski // *Journal of Universal Language*. 2004. № 5. P. 1–20.
13. Hanke T. Bildungsweisen von Numeralia. Eine typologische Untersuchung. Berlin, 2005.
14. Hurford J.R. The Linguistic Theory of Numerals. Cambridge, 1975.
15. Hurford J.R. Language and Number: the emergence of a cognitive system. Oxford, 1987.
16. Ionin T., Matushansky O. A healthy twelve patients // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics (oral presentation). Washington, D.C. Paper presented at GURT 2004.
17. Ionin T., Matushansky O. The non-existence, syntax and semantics of plurals // Workshop on Linguistic Perspectives in Numerical Expressions (oral presentation). Utrecht, the Netherlands, 2004.
18. Ionin T., Matushansky O. The composition of Complex Cardinals // *Journal of Semantics*. 2006. № 23. P. 315–360.
19. Leyew Z. Gwama, a little-known endangered language of Ethiopia: a sketch of its grammar and lexicon (N.A.). Addis Ababa University, 2005.
20. Marka T. Nociones basicas de lengua aymara, access mode // Aymara Uta. Una lengua, una cultura y un pueblo. URL: http://www.aymara.org/biblio/diccio_tarapaca.pdf (дата обращения: 02.12.2013).
21. Miechowicz-Mathiasen K. The puzzling syntax of Polish cardinal numerals // *Generative Linguistics in Poland* 7. Paper presented on GLiP 7, Wrocław, Poland, 2011.
22. Rutkowski P. On the Universal Neuropsychological Basis of the Syntax of Numerals // *Journal of Universal Language*. 2003. № 2. P. 147–182.
23. Salzman Z. A method for analyzing numerical systems // *Word*. 1950. Vol. 6. № 1.
24. Schultz G. Kom language grammar sketch. Yaounde, Republic of Cameroon, 1997.
25. Semenza C., Granà A. Numbers: Calculation // *Encyclopedia of Language and linguistics* / K. Brown (ed.). Oxford, 2006. P. 633–642. Second Edition. V. 13.
26. Tsunoda T. A grammar of Warrongo. Berlin, Boston, 2011.
27. Nouns and adjectives in numeral NPs // L. Bateman, C. Ussery (ed.) *NELS 35: Proceedings of the thirty-fifth annual meeting of the North East Linguistic Society*, 2005. P. 663–676.

Алпатов Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН; директор Института языкознания РАН. E-mail: estetsenko@mail.ru.

Борисова Людмила Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. E-mail: borisova_l_v@mail.ru.

Коваль Павел Андреевич – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: waschbaren@gmail.com.

Летучий Александр Борисович – кандидат филологических наук; доцент факультета филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: alexander.letuchiy@gmail.com.

Мороз Георгий Алексеевич – аспирант отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; преподаватель факультета филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: garka@strn.ltv.ru.

Пименова Наталья Борисовна – кандидат филологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник НОЦ «Институт современных лингвистических исследований», МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: n_pimenova@yahoo.com.

Шарафутдинова Карима Рашидовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова; учитель русского языка и литературы, Ульяновская средняя общеобразовательная школа, д. Путилково Красногорского района Московской области. E-mail: karima_5_ina@mail.ru.

V. Alpatov

Case variation in Japanese

The Japanese language has the developed case system, case markers are postpositions. There are four primary markers (*ga, o, no, ni*) denoting syntactic relations and several secondary markers with some additional meaning (instrument, direction etc.), zero marker is possible too. There are contexts in which different markers or marker and zero are possible, sometimes a slight semantic differentiation takes place, sometimes we can find pragmatic distinctions but in many cases markers are interchangeable. Some kinds of case variation in Japanese are analyzed in the article.

Key words: case, postposition, primary marker, secondary marker, variation of postpositions in Japanese.

L. Borisova

Concept tree as a linguistic and cultural code

This article offers a linguistic and cultural analysis of figurative meanings of words denominating trees in the Russian and Chuvash languages. The words of the given thematic group are a part of the language picture of the world of the ethnic group. The analysis makes a certain contribution to the reconstruction of the integrated language world picture and also helps find out some peculiarities of national world comprehension.

Key words: language picture of the world, linguistic and cultural studies, mentality, concept, comparative semantics, polysemy, connotation.

P. Koval

Floating quantifiers and information structure in Tatar

This article investigates syntax of floating quantifiers in Tatar and introduces one significant improvement to the proposed model. Careful explora-

tion of features of a position where quantified noun phrase is shown leads the author to the key assumption that this position is a position of topic (at least one of the positions). The assertion that information structure has a significant impact on the derivational history of floating quantifiers allows us to establish new connections between previously unrelated features of this type of discontinuous constituents.

Key words: syntax, floating quantifiers, Turkic languages, Tatar, information structure, derivational analysis.

A. Letuchiy

Syntactical features of sentential arguments
with predicatives

In the article syntactic properties of sentential arguments in Russian constructions with predicatives are analyzed. The list of the discussed criteria includes pronominalization of sentential argument, the floating quantifier *samo po sebe* (all by itself), the word order, the way of expression of the experiencer (dative NP vs. PP with the preposition *dlja* 'for') and so on. The author concludes that most of these criteria can hardly be used as subject diagnostics, except *samo po sebe* and *dlja*. Importantly, it is impossible to regard sentential arguments of predicatives as a syntactically uniform class. Infinitive clauses show less subject characteristics than finite embedded clauses with the marker *čto*. Yet, predicatives themselves are not uniform: for instance, sentential arguments of 'weather predicatives', such as *cholodno* (It is cold) are definitely not subjects, while for other predicatives, sentential arguments do have a subclass of subject properties.

Key words: predicative, subject in the Russian language, sentential argument, pronominalization, floating quantifier, word order in the Russian language, degrees of comparison.

G. Moroz

Structure of the compound cardinal numerals
in the languages of the Caucasus: addition

This paper contains the findings from the areal and typological research of the systems of cardinal numeral in the languages of the Caucasus. It is based on the structural analysis (which isn't a phonetic or etymological comparison) of the numeral systems in the languages of the three autochthonic language families of the Caucasus (Kartvelian, East Caucasian and West Caucasian) and in some non-autochthonic languages of the area (Armenian, Azerbaijani,

Karachay-Balkar, Kumyk, Nogai, Ossetic, Russian, Talysh, Tat) with the focus on markers of addition. There are four types of addition markers systems in the Caucasus. This typology has been compared with the same research into cardinal numeral in the languages of the World, where five types of addition markers systems are presented. The results of the research are the two distributions of the different types of addition markers systems and some probable explanations of the difference between these distributions.

Key words: numerals, markers of addition, Kartvelian, East Caucasian languages, West Caucasian languages.

N. Pimenova

Between pronominal clitics and particles:
the decay of agreement in Old Saxon relative elements

The article deals with the features and distribution of relative pronouns and the relative element *the* in Old Saxon. As provided by the present interpretation, the distribution of relative pronouns and *the* in the Old Saxon poem “Heliand” is regulated by anaphoric correlations (demonstrative pronoun MATR – the REL). The article analyzes the degree of their regularity and connection with the peculiarities of the morphological system.

Key words: relative pronoun, relative particle, pronominal clitics, agreement, anaphoric relations, language contact, Old Saxon, Old Germanic languages.

K. Sharafutdinova

Portrait detail within the exposition of the novels
“Anna Karenina” by L. Tolstoy
and “Madame Bovary” by G. Flaubert:
receptive and narrative strategies

Based on the analysis of the previous stage of comparative study of the novels “Anna Karenina” by L. Tolstoy and “Madame Bovary” by G. Flaubert the author analyzes special features of formation of one of the stages of narrative plot, horizon of the readers’ expectations, determined by similarity and difference of the solvable literary tasks.

Key words: narrative plot, portrait detail, exposition, receptive concepts, readers’ perception vector, exposition, horizon of expectations.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет
М.В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
М. А. Трушкина

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2014.1

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 20.03.2014 г.
Подписано в печать 25.03.2014 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.